

ЯКОРЯ И ПУШКИ ПЕТРОПАВЛОВСКА

Изображения якорей являются составной частью герба нашего славного града Петра и Павла. Это совсем не удивительно: он, единственный приокеанский порт России, был основан военными моряками, ими же строился и развивался, защищался, а сейчас (с окрестностями) является одной из крупнейших стратегических военно-морских баз страны. Не меньший вклад в жизнь города, в коем, кстати, есть и улица Якорная, внесли и другие моряки — гражданские: рыбаки и транспортники. А давнишним и общепринятым символом мореплавателей всех времён и народов является изображение якоря, вспомним хотя бы пуговицы, кокарды и ленты бескозырок военных моряков разных стран. Так что ничего случайного в их наличии на современном гербе Петропавловска-Камчатского нет.

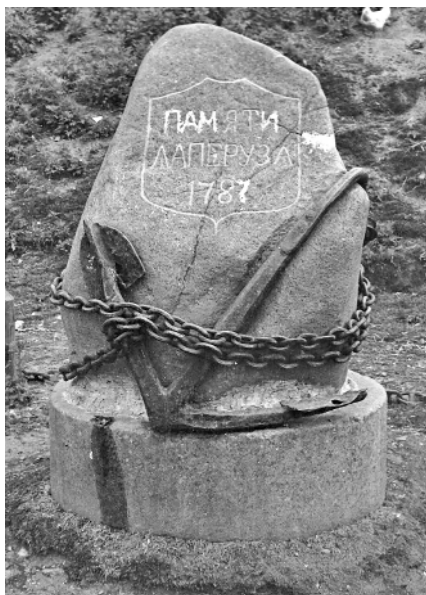
На территории города в разных местах, как под открытым небом, так и под крышей, мы можем наблюдать некоторое количество якорей, настоящих и стилизованных. Вот о некоторых из них и пойдёт речь в настоящем очерке. Однако сразу оговорюсь: обо всех рассказать не смогу, как по причине обширности темы, так и из-за отсутствия достаточных сведений, а равно и из-за сомнительной, по мнению автора, ценности некоторых сооружений, в кои зачем-то включены якоря.

Похоже, что самым первым якорем в нашем городе, «выставленным публично», стал тот, что входит в композицию памятника великому мореплавателю Лаперузу. Известное нам сооружение появилось, вернее, было восстановлено в 1892 г. Вот его описание, сделанное протоиереем Д. Шерстенниковым в 1912 г.: «...команда крейсера “Забияка” поставила памятник на Никольской горе, в узком перешейке, отделяющем Никольскую от Сигнальной горы, где стояла батарея № 3. В тенистой берёзовой роще на берегу моря положен массивный тёмно-красного цвета гранит, имеющий в диаметре

полтора метра. На нём утверждён второй сераго цвета камень в форме сердца. Это осколок от глыбы застывшей лавы. Камень этот обвит толстыми железными цепями с якорем, лапы которого опираются на гранит. Надпись гласит: “Памяти Лаперуза 1787 г.”. Прекрасная глубокая идея выражена оригинальной формой памятника. Тёмно-красный гранит не напоминает ли собою волнующуюся пучину океана, на волнах которого качается судно с горстью отважных моряков, оставивших родину и вверивших себя изменчивым стихиям? Сердца их наполнены сознанием долга, но не чужды им порывы туда, где тихая пристань и радости жизни манят их к себе. Надежда на будущее гармонирует с цепями долга. Вот почему мы видим сочетание трёх эмблем — сердца, якоря и цепи. Или несколько иначе: среди бури сердце просит любви и жизни, долг призывает к мужеству, а якорь спасения — горячая вера в Провидение — окрыляет морехода на великие подвиги, подобные тем, какие совершили незабвенные Беринг и Лаперуз, достигшие теперь своей тихой пристани, навеки закончившие своё земное плавание...»

Это уже третий памятник Лаперузу. Одно время считалось, что он единственный в мире. Памятник менял не только свой облик, но и место расположения, подвергаясь переносам, ремонтам и переделкам. Якорь на нём старинный («забияковцы» привезли его с собой), но скорее стилизованный, чем настоящий. Ещё при создании памятника, дабы суметь «обвить» якорь вокруг камня, его пришлось весьма значительно видоизменить, исказив первоначальную конструкцию, а от времени и ремонтов, а также воздействия окружающей среды он совсем обветшал.

Большой адмиралтейский якорь хорошо заметен на старой фотографии, которой уже больше сотни лет, показывающей размытую штормом портовую кошку, отделявшую внешний рейд Петропавловского порта от его внутренней гавани, так называемого ковша. Фотография сделана со стороны памятника героям обороны города в августе 1854 г. «Слава». Сейчас эта кошка не существует: её срыли в ходе



Якорь на памятнике Лаперузу на монолитном цилиндрическом постаменте. Ремонт памятника, 1940-е гг.



Памятник Лаперузу на призматическом кирпичном постаменте, 1950-е гг. и его современный вид, 2014 г.

строительства новых портовых сооружений в годы Великой Отечественной войны, а на основании бывшей кошки ныне стоит старый, построенный в 1959 г., портовый холодильник, некогда носивший номер 30.



Портовая кошка после шторма, до 1910 г.

Два старинных якоря установлены возле здания Камчатского краевого объединённого музея (ККОМ). Они относятся к адмиралтейскому типу. Первый (на фото слева) в музейном обиходе называется «старым», он изготовлен, судя по всему, в XVIII в. Происхождение это «артефакта» музейные документы никак не объясняют, сообщая, что «источник и способ поступления предмета неизвестен. Акт приёма-передачи не оформлялся».

Якорь состоит из веретена, двух рогов с лапами, соединёнными с веретеном кузнечной сваркой, скобы и штока. Его высота достигает 215, ширина между концами рогов — 161 см. Веретено внизу оканчивается утолщённой частью — трендом. Нижняя грань тренда называется пяткой. От тренда отходят два неподвижных рога, заканчивающихся треуголь-

ными (скорее, в форме сердца, каким его условно принято изображать) лапами с остриями — носками. Некогда имевшийся деревянный шток охватывал веретено и соединялся с ним при помощи орехов, то есть заплечиков. Он располагался перпендикулярно веретену в его верхней части. Вся поверхность веретена, кольца, рогов сильно повреждена временем, разрушения имеют вид глубоких местных раковин и язвин глубиной до полутора сантиметров. Орехи сильно изношены, лапы сохранились лучше, они не имеют глубоких язвин.



«Старый» и «новый» якоря возле здания ККОМ

В XVIII в. якоря изготавливались из полосового железа. Отдельные полосы проковывались и соединялись в горячем виде ударами молота. Для якорей разрешалось использовать только полосы, прошедшие предварительные испытания на ударную вязкость. Деревянный шток собирался из двух половин прямоугольного или полукруглого сечения, надевался на веретено в районе орехов и соединялся железными обручами (бугелями).

Второй якорь, так называемый «новый», «свежее» предыдущего примерно на столетие. Его происхождение так же неизвестно. А вдруг он и есть тот самый, некогда лежавший на кошке? Он немного поменьше: высота 185, ширина между концами рогов — 140 см. На утолщении в верхней части веретена предусмотрено сквозное отверстие, в которое вставлялся ныне утраченный стальной шток круглого сечения, изогнутый под углом 90°. Шток устанавливался в рабочем положении перпендикулярно веретену в его верхней части. Выше штока веретено соединялось со скобой посредством болта, проходившего через отверстие в веретене.

При отдаче на судне адмиралтейский якорь соприкасался с морским дном сначала лапой или пяткой. Когда на грунт вытравливалась часть каната, якорь ложился плашмя на обе лапы, а шток упирался одним концом в грунт. После выборки слабины лежащая на грунте часть каната натягивалась, влекла за собой скобу якоря книзу. Якорь «перекапывался» на штоке, шток принимал горизонтальное положение, а лапы становились вертикально. Шток при этом действовал как рычаг. Натягивающийся канат заставлял нижнюю лапу, словно плуг, входить в грунт, пока веретено не ложилось на дно всей своей длиной. При этом нижняя лапа зарывалась целиком.

Из-за долгой уборки и сложного крепления по-походному, значительных габаритов, в настоящее время адмиралтейские якоря на крупных судах или кораблях широко не используется, несмотря на то, что их способность удерживаться на месте гораздо больше, чем у якорей других типов того же веса.

В постоянной экспозиции музея представлены ещё несколько старинных якорей. Вот, например, небольшой адмиралтейский с сохранившимся деревянным штоком круглого сечения. Его веретено имеет длину 139, рога — 89, а шток — 240 см. Окружности штока в средней части и по концам составляют 94 и 60 см. Весит этот якорь 200 кг. В отличие от предшественников, у него есть конкретная музейная история: привезён из посёлка Крутогорово Усть-Большерецко-

го района тогда ещё Камчатской области. Его поднял на поверхность с десятиметровой глубины вместе с орудиями лова экипаж малого рыболовного сейнера № 258. Координаты находки: 55° 04,5' северной широты и 155° 32,8' восточной долготы. На постоянное хранение этот якорь зачислен 2 сентября 1999 г.



Адмиралтейские якоря в постоянной экспозиции музея

Неподалёку лежит якорь и со стальным штоком, изготовленный, ориентировочно, в середине XIX в. Появление таких конструкций относят к 1840 г., их автором считают англичанина Уильяма Паркера. В 1852 г. в ходе сравнительного испытания якорей в Англии предложенная им конструкция была признана лучшей. Она имеет особенности: веретено и рога в сечении — эллиптические, рога изогнуты по окружности, лапы небольших размеров. По величине якорь подходит под вспомогательный — так называемый верп, помогавший судну двигаться против течения и в безветрие.

Длины его характерных частей: веретена — 134, рога — 71, штока — 151 см. История его попадания в музей нам не известна. Обычно в таких случаях в инвентаризационных актах указывают, что предмет «из старых поступлений».

Перейдём к якорям другого типа: четырёхрогим, в обиходе называвшимися кошками. Их две: «большая» и «малая», обе отнесены к XIX в., отличаются не только размерами, но и пропорциями. Эти якоря имеют грубую выделку, что,



Якорь-кошка

скорее всего, свидетельствует об их вспомогательном назначении. Длинное веретено «большой» кошки имеет сечение, близкое к квадратному, расширяется книзу, рога короткие, лап нет. Якорная скоба выполнена как кольцо. Частично сохранилась канатная оплётка на скобе, ухе и веретене. Эта кошка доставлена с западного побережья Камчатки и передана в музей экипажем спасательного судна «Алмаз». Она включена в постоянную экспозицию в 1990 г., выставлена в раздел «Камчатка в период освое-

ния территориальных владений России на Северо-Востоке Азии и в Северной части Тихого океана во второй половине XVIII — начале XIX вв.», зал номер пять. «Малая» кошка принята в музей в 1975 г.

Подобные якоря в первой трети XX в. могли применяться для удержания на грунте элементов ставного невода — пассивного орудия лова, использовавшегося русскими и японскими рыбопромышленниками для добычи лосося, реже сельди.

Есть в музее небольшой (длина веретена 50 см) американский шлюпочный якорь системы Болдта, изготовленный в 1940-е гг., — свидетель относительно недавней военной истории Камчатки. Такие якоря широко использовались на малых и вспомогательных судах в США. Подобную конструкцию с шаровым соединением в 1898 г. запатентовал в США бостонец Фредерик Болдт. Испытав её, американское Бюро судоходства утвердило как типовую для военных кораблей. Втяжные, то есть не имеющие штоков и входящие в корабельные клюзы, якоря малых весов подобного

типа, называвшиеся «NAVY» («военно-морской»), выпускались для небольших судов типа барж, яхт, катеров, буксиров. Веретено прямоугольного сечения, длина рога 24 см. Надписи на якоре: с одной стороны «NAVY», с обратной стороны — «35»; на одном роге: «Semy steel», на втором — клеймо в виде знака «+», забранного в окружность. Вполне возможно, что он был поставлен на Камчатку вместе со вспомогательными судами (типа десантных барж) по ленд-лизу в 1944—1945 гг., а после окончания Второй мировой войны использовался на побережье полуострова.

Якорь был передан в музей телеоператором Камчатской студии телевидения Сергеем Владимировичем Верченко 4 мая 1995 г. Он нашёл его на берегу Камчатского залива в районе посёлка Усть-Камчатск и хранил в личной коллекции.

Один из самых старых якорей недавно украсил территорию бывшего Музея боевой славы, а ныне исторического выставочного центра «Город воинской славы». Его в 2010 г. нашли и передали в распоряжение Камчатского морского собрания наши рыбаки. Трудami ныне покойного председателя собрания Анатолия Габбасовича Гафиатулина он был установлен на постамент, на котором предполагалось также разместить доски со сведениями о морских экспедициях XVIII—XIX вв., посещавших Петропавловск и уходивших из него «для приискивания новых земель».

Из интервью А. Г. Гафиатулина газете «Камчатский край» от 22 июня 2011 г.: «В прошлом году камчатские моряки в Беринговом море вместе с уловом подняли со дна большой адмиралтейский якорь. Большое им спасибо за то, что привезли его в город, с пониманием отнеслись к исторической реликвии. Старинный якорь был передан в военно-исторический музей Войск и Сил на северо-востоке, и Морское собрание делает всё возможное для сохранения этого редчайшего экспоната, выделило средства на приобретение консервантов и других материалов, необходимых для его реставрации. Более того, у нас появился замысел создать мемориал мореплавателям. Через Камчатку прошло очень много мореходов, фамилии которых мы забыли

либо не знаем. Сейчас группа энтузиастов из Морского собрания работает с архивными материалами и составляет список моряков, чьи имена и деяния будут вынесены на этот мемориал. Мы видим его как стоящий на постаменте старинный якорь, а за ним — информационная стена с данными с восемнадцатого по двадцатый века. Чтобы осуществить этот замысел, Морское собрание приняло участие в конкурсе общественно-полезных программ, который объявляло правительство Камчатского края, и выиграло небольшие средства. На них мы планируем в этом году начать проектирование и строительство мемориала».



Адмиралтейский якорь на территории исторического выставочного центра вскоре после доставки на место (ещё без постамента), 2010 г.

Постамент, как сказано выше, построен, но с памятными досками пока вышла заминка.

Адмиралтейский якорь вот уже несколько лет лежит на причале туристической компании «Пасифик Нетворк» возле бывшего Петропавловского судоремонтно-механического завода (ПСРМЗ). По словам одного заводчанина, он был найден на базе разделки металлолома и выменян на такое же по весу количество металла, ушедшего на переплавку. Это произошло в середине 2000-х гг. Понятно, что стоимость стали, из которой он сделан, несравнима с его исторической и эстетической ценностью. Да и что может лучше украсить портовый город, да ещё и крупнейшую военно-морскую базу страны на Северо-Востоке, как ни один из символов морской службы и романтики?

Видимо, поэтому в разных местах нашего города можно встретить немало якорей. Как правило, это наиболее распространённые в отечественном флоте втяжные якоря, предложенные английским капитаном Холлом, появившиеся на грани девятнадцатого и двадцатого веков. Более чем уместно их присутствие возле зданий морских и рыбохозяйственных учебных заведений. Вот тому несколько примеров.

Якорь, размещённый возле входа в здание бывшего судомеханического факультета высшей «мореходки» (сейчас это первый учебный корпус — центр подготовки плавсостава при КамчатГТУ), вкупе с судовым гребным винтом и цепью символизирует отличительный знак, выдававшийся специалистам-судомеханикам, достигшим вершины мастерства в своём деле — получившим первый разряд (так называемая «печень»).

Якоря Холла можно увидеть на улице Ленинградской, рядом с входом в кадровую службу одной из ведущих рыболовческих компаний нашей страны — Океанрыбфлота. Они украшают памятную доску в честь сотрудников компании, погибших в море на трудовых постах. Здесь же представлены и небольшие стилизованные якорьки, венчающие цепи, ограждающие мемориал, открытый в 2008 г.

Возле бывшего Дворца культуры КамчатГТУ (напомню, что раньше он назывался Домом культуры рыбаков) находится ещё один, довольно большой, классический адмиралтейский якорь. С учётом того, что это здание вскоре будет снесено за ветхостью, есть опасность его потерять. Будем надеяться, что городские власти, которым теперь принадлежит здание, найдут ему новое место.

27 августа 2012 г. местные газеты и радиостанции сообщили об открытии стелы на въезде в посёлок Завойко, лежащий в черте Петропавловска. Возле неё установлены два якоря Холла. Один якорь этого типа расположен возле пограничного столба у парадного подъезда Северо-Восточного пограничного управления, а ещё два — охраняют вход в развлекательный центр «Фрегат», что расположен возле автобусной остановки на улице Рябиковской. Последнее соседство, конечно, случайное, разве только по некоей общности понятий «фрегат» и «якорь».

Наверное, именно поэтому возле ресторана «Золотой якорь», что на проспекте Рыбаков, якоря нет, ни из означенного драгметалла, ни даже из простого чёрного. Правда, золотистый якорёк присутствует на вывеске при входе в ресторан. Два якоря с цепями встречают посетителя здания под первым номером на площади Щедрина, напоминающая нам, что здесь некогда располагалось, увы, почившее Камчатское морское пароходство.

Имеются у нас и якоря, стоящие не только под небесным покровом, но и в помещениях. Хотя бы небольшой «Холл», встречающий нас в холле (надо же, какое созвучие!) компании «Атолл-Запад» (опять созвучие!), что на улице Алеутской. А вот это расположение вовсе не случайное. Дело в том, что в этом здании благодаря трудам большого энтузиаста изучения истории рыбной промышленности Камчатки, да и всей страны, Александра Николаевича Якунина, развёрнут настоящий музей. А совсем недавно (в июне 2017 г.) к нему добавилась и учреждённая им же библиотека Камчатского отделения Русского Географического общества.



Якорь возле бывшего
ПСРМЗ



Якорь возле входа в колледж
КамчатГТУ, ул. Ленинградская



Якорь у главного корпуса
КамчатГТУ,
ул. Ключевская



Вход в первый корпус КамчатГТУ,
ул. Ключевская



Якорь у Камчатского морского
и энергетического техникума



Адмиралтейский якорь возле
Дворца культуры КамчатГТУ



Якоря возле здания Океанрыбфлота



Пушки в нашем городе появились, судя по всему, не ранее 1774 г. Известно, что в этом году новый камчатский командир Магнус фон Бем в соответствии с полученной от правительства инструкцией о приведении вверенных ему острогов в военное положение распорядился построить трёхпушечную артиллерийскую батарею при входе во внутреннюю гавань. Её расположили южнее косы (сейчас это территория морского торгового порта) и назначили для обслуживания пушек небольшую воинскую команду с двумя унтер-офицерами во главе. В наличии этой батареи вскоре убедились моряки английской кругосветной экспедиции, зашедшие в апреле 1779 г. в Петропавловск на двух кораблях под общим командованием капитана-командора Чарльза Клерка. В 1787 г., во время посещения Петропавловска экспедицией Лаперуза, батарей при входе в гавань было три. Через пять лет, в 1792 г., наш выдающийся моряк Г. А. Сарычев насчитал уже четыре батареи, кои имели в общей сложности двадцать пять пушек. В некоторых источниках указывается, что часть их была отлита из меди (скорее, из бронзы).

В первой половине XIX в. число батарей и количество установленных на них орудий неоднократно изменялось, достигнув наибольшего количества к августу 1854 г., ко времени знаменитой Петропавловской обороны. Часть этого вооружения к тому времени устарела. Известно, что в 1830-х гг. сохранялись пушки, снятые с затонувшего в гавани корабля экспедиции Биллингса — Сарычева «Слава России», оставленные шлюпом «Диана», другие. Судьба всей этой артиллерии нам доподлинно неизвестна. Скорее всего, часть её вывезли, часть утратили, какие-то пушки валялись на городской территории.

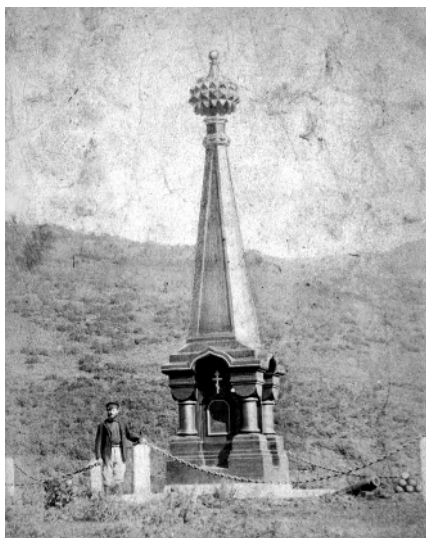
Уместно будет привести здесь вот такой забавный эпизод. В середине июня 1928 г. комсомольцы решили провести военные игры. Группа молодёжи во главе с известным в городе Михаилом Аристовым ранним тихим утром притащила к зданию окружного бюро партии ржавую старинную пушку и установила её на самом высоком месте.

Аристов зарядил её порохом и произвёл холостой выстрел, перепугавший всех городских собак и куриц и поднявший на ноги обывателей и даже экипажи стоявших в ковше пароходов. После этого была взорвана консервная банка, тоже начинённая порохом. От взрывной волны вылетели несколько стекол в окнах зданиях городской милиции и окрбюро ВКП(б). Так было дано начало комсомольским «манёврам», после коих Аристов получил прозвище «камчатский пушкарь».

Так что какие-то старинные пушки в городе оставались. Возможно, что некоторые из них и были использованы в качестве самых первых памятных знаков. Так, 24 августа 1882 г. на косе Петропавловского порта был торжественно открыт чугунный памятник героям Петропавловской обороны «Слава», привезённый из Санкт-Петербурга. Акт об открытии никаких сведений о присутствии в его составе пушек не содержит, свидетельствуя лишь о наличии фундамента из кирпича и цемента и цепной ограды. Но на начавших публиковаться спустя год рисованных и гравированных изображениях памятника пушки уже есть. Затем они появились и на фотографиях.

Вот подтверждение этому. Слева приведено изображение «Славы», сделанное женщиной-фотографом (это очень редкое для тех лет сочетание слов) Агнией Павловной Динесс во время её короткого пребывания в Петропавловске в 1895 г. На нём заметны названный выше фундамент, ограда и три короткоствольные пушки (мортиры?), установленные по углам. Возле них выложены пирамидки из ядер. Вершину памятника венчает православный крест. Похоже, что стволы опираются на основания из необработанного природного камня.

На изображении справа, сделанном в начале XX в., этот же памятник показан с другой стороны. Фоном для него является крутой склон Петровской сопки. Здесь заметен лишь один ствол, наклонённый к горизонту под меньшим углом. Крест на вершине памятника почему-то отсутствует.



Памятник «Слава» в конце XIX в.



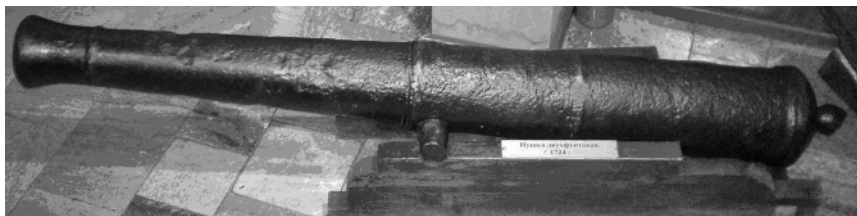
Памятник «Слава» в 1930-х и 1970-х гг.

Можно предположить, что пушки возле «Славы» установили горожане вскоре после его открытия. Вполне возможно, что для этого они использовали исторические стволы, некогда стоявшие на старинных батареях, или вооружение со старых кораблей. Ядер же в городе, оставшихся после славной обороны, было достаточно, в том числе и неприятельских. На одной из фотографий, сделанной около 1912 г. и представленной в книге протоиерея Шерстенникова, памятник выглядит уже по-другому: его верхняя часть почему-то перевернута (возможно, он подвергался разборке и ремонту, после чего был неправильно собран), пушки и ядра отсутствуют.

Ниже приведенная фотография «Славы», сделанная во второй половине 1930-х гг. Памятник всё также стоит на портовой косе, но пушек и ограждения возле него нет. Его верхняя часть по-прежнему установлена «вверх ногами», да к тому же увенчана вовсе не крестом, а звездой. На оконечности кошки заметна установка для бурения: идёт разведка грунта в преддверии предстоящего расширения порта. Вскоре кошка будет срезана, памятник разобран, а позже перенесён на другое место, где он находится и поныне. Но пушек возле него теперь нет.

Самыми старыми пушками Петропавловска являются те, которые попали на Камчатку морским путём вместе с экспедицией великого мореплавателя Витуса Беринга. Они хранятся в постоянной экспозиции краевого объединённого музея в разделе «Первая и Вторая Камчатские экспедиции» с 1990 г. Здесь выставлена корабельная двухфунтовая пушка, некогда стоявшая на пакетботе «Святой Пётр». Это — вещественный памятник всем русским морякам, первыми отважившимися осваивать ранее нехоженые суровые воды Северо-Востока России. Её отлили из чугуна в 1724 г. на одном из уральских заводов купцов Демидовых, предположительно, на Каменском (ныне город Каменск-Уральский). После изготовления пушка находилась в распоряжении Тобольской губернской канцелярии или Сибирского обер-бергамта (конторы, управлявшей сибирскими

заводами). Вместе с другими, изготовленными в разные годы, она поступила для снаряжения «Святого Петра», потерпевшего осенью 1741 г. кораблекрушение на неизвестном необитаемом острове, ныне носящем имя славного капитана-командора. В 1742 г. уцелевшие моряки, покидая остров после тяжёлой зимовки, оставили на берегу в «казённом складе» более двух тысяч предметов из имущества разбившегося пакетбота: корабельный такелаж, артиллерийские припасы, разноцветный бисер и бусы, предназначавшиеся для раздачи аборигенам, в том числе и пушки.



Двухфунтовая пушка пакетбота «Святой Пётр»



Средняя и казённая части двухфунтовой пушки

Эту пушку нашли и вывезли с острова в Петропавловск в 1940 г., когда наш город готовился встречать свой двухвековой юбилей. Вначале её установили возле памятника Берингу в центре Петропавловска, а затем выставили в экспозиции музея. Она представляет собой цельную отливку с внутренним каналом диаметром 6,8 см без нарезки и запальным отверстием диаметром 0,8 см. Калибр артиллерийских орудий в те времена определяли по весу шарообразного чугунного ядра, имевшего диаметр, подходящий под



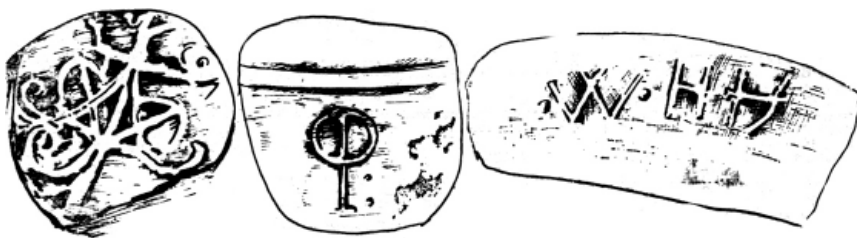
Дульная часть двухфунтовой
пушки

отверстие в канале ствола. Ствол по длине разделён литыми поясами — фризами — на три части: дульную, вертикальную (среднюю) и казённую. Казённая часть завершается конусообразной торелью (задним срезом) и овальным винградом. В средней части ниже оси канала отлиты цилиндрические цапфы, использовавшиеся для крепления ствола к лафету и вертикального наведения. Между цапфами на верхней поверх-

ности ствола нанесено двухрядное клеймо «SIBIR:K:B/1724» с высотой букв около пяти сантиметров. На стволе имеются ещё три клейма: на цапфе с вензелем императора Петра I (слева), на казённой части в виде литеры «Ф» (в центре) и на торели в виде набора латинских букв: «W · H A» (справа). Последнее клеймо позволяет предположить, что ствол отливал мастер В. Хауберг, швед, взятый в плен в ходе Северной войны.



Клеймо на стволе двухфунтовой пушки



Клейма на стволе двухфунтовой пушки

Длина ствола составляет 186, диаметр ствола у дульного среза — 16, диаметр казённой части — 25 см. Пушка пребывает в удовлетворительной сохранности. Её ствол по всей поверхности покрыт слоями окислов, имеет раковины глубиной до сантиметра, механические повреждения (сколы), возникшие в ходе транспортировки с места находки. Конец винграда, за который при необходимости крепили орудие или подвешивали при погрузке, отбит. Характер повреждений фризов свидетельствует о длительном воздействии на них волн из-за пребывания ствола в прибойной полосе. В 1982 г. сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации (ВНИИР) законсервировали металл, создав на нём защитную фосфатную пленку и покрыв синтетическим воском на месте хранения, то есть в музее. Ныне ствол пушки установлен на специально сделанном лафете из кедра.

Рядом находятся ещё две чугунные пушки со «Святого Петра». Они большего, чем предыдущая, калибра — трёхфунтовые и изготовлены чуть позже — в 1733 г. по указу Адмиралтейств-коллегии для Второй Камчатской экспедиции мелкой серией. Это значит, что они являются родными «сёстрами». Стволы на Каменецком заводе отливал мастер Панкрат Ефтифеев с учениками Аникой Сатиным, Савой Бормотовым и Фёдором Устиновым. Затем их отправили сухим путём в Тобольск, Якутск и Охотск. В Охотске при постройке пушки и были установлены на пакетботе. На месте крушения «Святого Петра» остались девять таких пушек. Их в прибойной полосе острова Беринга, в бухте Командор, нашли участники экспедиции «Беринг-81».

Вначале пушки хранились в музее села Никольского, что на острове Беринга, а в 1983 г. были переданы в тогда Камчатский областной краеведческий музей.

Длина стволов составляет 168, диаметр у дульного среза — 18, казённой части — 26, калибр — 8,1 см. Весят они примерно по 330 кг. В средней части стволов отлито двухрядное клеймо: «КАМЕНЬСКО/ ЗАВОД 1733». Известно, что свинцовая доска для изготовления клейма изготовлена шихтмейстером Бекетовым в Екатеринбурге.



Трёхфунтовая пушка пакетбота «Святой Пётр»



Дульная и средняя части ствола
трёхфунтовой пушки

Обе пушки пребывают в удовлетворительной сохранности. Стволы и дульные каналы сильно корродированны. Выступающие части: фриз, надписи несут следы воздействия морской стихии. Имеются многочисленные царапины и сколы — механические повреждения, полученные в ходе поисков, поднятия и транспортировки пушек. На поверхности металла видны очаги коррозии: выпучины, заполненные окислами, трещины на цапфах, расслоение и раскрашивание металла при действии незначительных механических усилий. В 1982 г. металл защищён от разрушения сотрудниками ВНИИР на месте находки — острове Беринга.

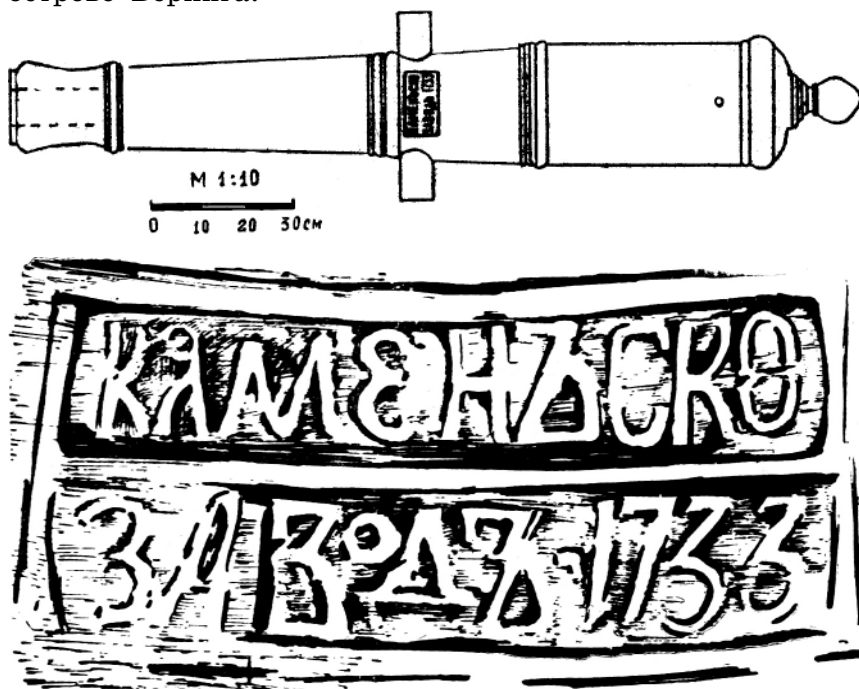


Чертёж ствола и клеймо трёхфунтовой пушки

Относительно недавно в музее появилась ещё одна такая же пушка, и снова «родная сестра» предыдущих. Её появление связано с настоящей детективной историей. Эту пушку нашли на острове Беринга в 1991 г. и хранили в селе

Никольском на территории местного музея. В феврале 2012 г. обнаружилась её пропажа. Выяснилось, что её похитил некий житель Петропавловска, прицепивший к снегоходу и перетащивший в гараж. Затем он упаковал оружие в деревянный ящик, погрузил на судно, вывозившее металлолом с острова в Петропавловск. По его словам, здесь он намеревался сдать её на утилизацию. Правда, непонятно, зачем для этого нужно было паковать её в ящик, пересыпая стружками, да злые языки утверждали, что стоимость этого «металлолома» некие эксперты оценили аж в четырнадцать миллионов рублей... Есть и другая цифра. Она содержится в протоколе заседания «Комиссии по оценке стоимости корабельной двухфунтовой пушки пакетбота “Св. Пётр”» от 11 июля 2012 г. В нём говорится, что пушку следует считать «поистине бесценной. Необходимость выражения стоимости предмета в денежном эквиваленте вынуждает указать не вполне соответствующую действительности минимальную сумму пятьсот тысяч рублей». Столь большая разница объясняется, видимо, тем, что во время пребывания на острове ствол, остаётся только догадываться, из каких соображений, покрасили в чёрный цвет.

11 марта 2014 г. сотрудники уголовного розыска изъяли пушку в пункте приёма металла и доставили её в краевое управление Министерства внутренних дел. Затем раритет передали местному Министерству культуры, а в середине апреля 2014 г. временно выставили в краевом объединённом музее. По словам главного хранителя музея Светланы Владимировны Графской, «подобные пушки с пакетбота “Святой Пётр” у нас уже есть, эта станет четвёртой. Пока следствие по делу о краже раритетного оружия не закончится, оно будет храниться у нас. Потом, скорее всего, пушку отправят обратно на остров Беринга, на прежнее место». Пока пушка продолжает храниться в музее.

В разделе постоянной экспозиции музея «Камчатка в период освоения территориальных владений России на Северо-Востоке Азии и в Северной части Тихого океана во второй половине восемнадцатого — начале девятнадцатого

веков», в зале номер пять, представлена ещё одна старая пушка, которая, правда, «помоложе» предыдущих примерно на век. Это — сигнальное орудие, вернее его казённая часть, некогда стоявшее на мысе Маячном возле Петропавловского маяка (по правую сторону от входа в Авачинскую губу) и предназначавшееся для подачи сигналов, например, о приближении к входу губу неопознанных судов или неприятельских кораблей. Использовалась она также для подачи звуковых «туманных» сигналов при плохой видимости. Эту пушку отлили из чугуна в первой половине девятнадцатого века. Видимо, когда-то её сбросили с высокого обрыва. При падении дульная часть ствола оказалась отбитой на большей части длины и была утрачена. След от излома неровный, отбитая часть обкатана действием волн, что свидетельствует о её длительном нахождении на берегу.

Длина казённой части равна 82; диаметры: канала ствола — 9, винграда — 10,5, запального отверстия — 0,6 см.



Казённая часть сигнальной пушки Петропавловского маяка

Другая сигнальная пушка в начале двадцатого века стояла в черте города на мысе Сигнальном на деревянном бесколёсном лафете, имевшем клиновой механизм вертикального наведения. Лафет был установлен на деревянном помосте, поглощавшем силу отката при выстреле. Возле пушки находился сигнальный колокол и сторожевая будка. Из этой пушки с удовольствием палили и по праздникам.

В музейном зале с 1990 г. можно увидеть ещё одну пушку. Это — свидетель, а возможно и участник, экономической войны за обладание камчатскими природными ресурсами, издавна привлекавшими к себе внимание браконьеров (раньше их называли «хищниками») из сопредельных стран. Она изготовлена из чугуна и стали в конце девятнадцатого — начале двадцатого века в США или Японии. Её 6 июля 1984 г. подняли со дна Авачинской губы у северной оконечности Никольской сопки водолазы-спасатели.



Пушка с японской шхуны

Она небольшая, в отличие от предыдущих оснащена «родным» лафетом. Ствол длиной 81 см образован из казённой, средней и дульной части. Казённая часть утолщена, имеет запальное отверстие диаметром 0,7 см. В средней части ствола сделано кольцообразное утолщение с двумя цапфами, которыми ствол установлен в специальные гнезда в верхней части лафета. Вертикальное наведение ствола производилось перестановкой в отверстиях лафета стального штыря с кольцевой рукояткой. На штырь опирается стальная скоба, состоящая из двух половин, прикреплённая стальной шпилькой к плоскому приливу казённой части. Лафет состоит из двух чугунных литых пластин толщиной примерно в сантиметр, соединённых шестью шпильками длиной 28 см с двумя гайками на каждом конце. Расстояние

между пластинами лафета 21 см. Пластины имеют по пять литых рёбер жёсткости, семь отверстий диаметром 2,5 см для установки штыря наведения и два отверстия (круглое и овальное) для облегчения конструкции. В нижней части пластины лафета имеются полозья шириной 5 и длиной 74 см для перемещения пушки. На лафете читается повреждённая временем надпись: «COS...ОН SIBNAL O».

Такие пушки устанавливались на деревянных парусных и парусно-моторных шхунах для подачи звуковых сигналов при плавании в тумане, для сигнализации о бедствии. Они могли применяться и как оружие. Подобные шхуны с 1890-х и до начала 1930-х гг. в количестве несколько сотен штук ежегодно в начале мая прибывали на побережье Камчатки из Японии для обслуживания японских рыбных промыслов. Они действовали в рамках вначале русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., а затем советско-японской рыболовной конвенции 1928 г. Основная масса этих судов выходила из Хакодате — главного порта северной Японии. Суда, нарушившие конвенционные правила, задерживались русской (советской) стороной и препровождались в Петропавловск для разбирательства. Нередко их по судебным решениям изымали у владельцев, но долгое время после этого не могли найти применения. В Петропавловске они стояли возле северной оконечности мыса Сигнального (продолжения сопки Никольской) и у основания кошки во внутренней гавани. Многие суда от длительной стоянки ветшали и тонули на месте.

Так, в июне 1911 г. канонерская лодка «Манджур» двух с половиной миль от заповедного острова Медного задержала с поличным японскую браконьерскую шхуну «Кофудзимару». На ней обнаружили свежие бобровые и котиковые шкуры, запас соли, разное оружие, в том числе — пушку. Шлюпку с этого судна задержали на бурунах Секачинских камней. Саму шхуну отвели в Петропавловск, где она долго гнила без дела.

Первое изображение пушки и сведения об её находке опубликованы в газете «Рыбак Камчатки» от 11 июля 1984 г.

в заметке заведующей отделом КОКМ Л. Лысяковой «Найдена впервые». Вот её текст: «6 июля нынешнего года в ходе очистки городского пляжа со дна Авачинской бухты была поднята небольшая пушка американского производства. Она передана в областной краеведческий музей для последующей реставрации и изучения. Сотрудникам музея предстоит выяснить, с какими событиями истории Камчатки связано появление этой пушки у наших берегов. Возможно, это события 1905 года? Ясно одно, таких пушек до сего времени на Камчатке не находили».

Из экспозиционных залов выйдем на свежий воздух. Здесь, возле стены музейного здания установлена корабельная 36-фунтовая чугунная пушка образца 1838 г. Подобные ей использовались во время Крымской войны 1853—1855 гг., в том числе в ходе Петропавловской обороны, хотя именно эта отлита в 1860 г. мастером Егоровым, предположительно, на Александровском заводе.

Эта пушка так называемой «новой конструкции», упрощённая, отливавшаяся без фриз и поясов, характерных для стволов более ранних лет выпуска. На казённой части имеются надписи: слева от запальной полки литера «М», ниже неё по дуге окружности плохо читаемое сочетание «...НОЛК»; справа от запальной полки сверху — литера «А», ниже по дуге окружности «ЕГОРОВЪ». На торце правой цапфы нанесено клеймо: «1860 г.», ниже «20...». Такие пушки производились большими сериями.



36-фунтовая корабельная пушка

Длина ствола с винградом равна 329, диаметр у дульного среза — 40, диаметр у казённой части — 60, калибр — 17,2 см. Весит ствол 168,5 пудов, то есть по-современному

2 754 кг. Ствол неоднократно покрывали чёрной краской, местами её слой растрескался и отстал от металла, на котором заметны следы коррозионных разрушений. Надписи и клейма читаются с трудом из-за коррозионного износа и многократной окраски. Канал ствола и запальное отверстие с целью безопасности заполнены бетоном.



Клейма на казённой части и на торце правой цапфы

Сведения о поступлении этого ствола в состав музейного собрания отсутствуют. С большой долей вероятности можно предположить, что он был доставлен из Владивостока во второй половине 1950-х гг. и использован в качестве модели для отливки стволов орудий при создании макета батареи № 3 лейтенанта князя Александра Петровича МаксUTOва. Первоначально, ко времени открытия этого памятника героизму защитников нашего города, то есть в 1954 г., к столетию события, стволы были деревянными. Через пять лет, в 1959 г., их заменили отлитыми из чугуна на Петропавловской судоремонтной верфи.

Корабельные пушки подобного типа наводили на цель по вертикали при помощи простейших приспособлений — клиньев или винтов, поднимающих или опускавших казённую часть. По горизонту это делали, разворачивая пушку рычагами. В середине девятнадцатого века дальность выстрела не превышала тысячи метров. Готовую к выстрелу

пушку стопорили клиньями, через запальное отверстие поджигали фитилём чёрный дымный порох, если использовали разрывную бомбу, то предварительно зажигали её фитиль. Стреляли такие пушки только прямой наводкой. Заряжали орудия с дула, если сплошными чугунными ядрами, то в нашем случае весившими тридцать шесть фунтов.

После стрельбы канал ствола чистили банником — специальной цилиндрической щёткой. Подготовка к выстрелу вместе с наводкой на цель занимала несколько минут. Низкая скорострельность и точность стрельбы, так как корабль раскачивался на волнах, вынуждали устанавливать на нём как можно больше пушек и вести огонь залпами по одной цели. Так как потопить деревянный вражеский корабль было сложно, то тактика артиллерийского боя сводилась к уничтожению его мачт и парусов. Затем, если враг не сдавался, его поджигали брандскугелями и бомбами, а чтобы экипаж не мог потушить пожар, верхнюю палубу обстреливали картечью. Для захвата повреждённого корабля на него высаживалась abordжная партия, уничтожавшая неприятеля в рукопашном бою.



Макет батареи А. П. МаксUTOва с деревянными стволами орудий

Ствол пушки устанавливали на деревянный, чаще дубовый, лафет («тележку»), состоявшую из двух боковых стенок — щёк, ступенчато понижавшихся по высоте к казённой части. Между щёками крепили горизонтальную раму, а к ней — оси колес. Колёса тоже делали из дуба и оковывали железом. Из-за изгиба палубы передние колёса были несколько больше, чем задние, поэтому на лафете пушка лежала горизонтально. В передней части рамы между щёками находился вертикальный брус — «подушка». В его верхней части для облегчения подъёма ствола выполняли полукруглый вырез. В щёках вырезали два полукруглых гнезда для установки цапф, которые сверху удерживались железными накладками. Части лафета скрепляли между собой железными болтами. На лафетах устанавливали рымы для крепления талей.

Через щёки проходил брюк — мощный трос, концы которого крепили к рымам боковых сторон пушечных портов — отверстий, вырезанных в бортах. Брюк удерживал пушку при откате. Пушечные тали состояли из двух блоков с гаками (крюками), которые крепили в рымах на щёках и по бокам пушечных портов. С их помощью орудие подкатывали к порту и откатывали от него. Для этого двое талей заводили с двух сторон. Откатными таями втягивали пушку внутрь судна. Обычно её закрепляли на судне при помощи тросов, а во время боя выдвигали из пушечного порта. Иногда это делали во время стоянки на якоре, для того, чтобы придать судну парадный вид.

Для закрепления пушки её втягивали внутрь корабля и опускали казённую часть так, чтобы ствол упирался в верхнюю часть порта. Для безопасности под колеса лафета подкладывали клинья, кроме того, все пушки одной батареи скрепляли друг с другом тросом, проходившим над нижней «ступенькой» лафета через рымы на палубе и гаки по бокам пушечных портов.

Крышки орудийных портов, выполненные из толстых досок, обшитых поперечными, более тонкими досками, закрывались наглухо. Сверху они подвешивались на шарнирах

и открывались изнутри. На верхней палубе в фальшборте орудийные порты делали без крышек и называли полупортами.

Самое большое число пушек ныне сосредоточено у подножия Никольской сопки возле братских могил защитников Петропавловска и их англо-французских неприятелей. Современный облик могил и часовни-памятника над ними в значительной мере соответствует проекту более чем столетней давности, составленному и осуществлённому областным архитектором Константином Антоновичем Заранеком. Одно из первых описаний этого памятника в 1912 г., сразу после освящения в августе этого года, сделал протоирей Д. Шерстенников. Он сообщает, что возле братской могилы, состоявшей из двух курганов и обнесённой чугунной оградкой, лежали «три чугунные пушки, как свидетельницы и участницы славного отражения врагов. Большая пушка с отломленным дулом» (возможно, это и есть описанная нами выше сигнальная пушка с маяка?). Выше могил располагался памятник-часовня. На верхней площадке по бокам на деревянных лафетах стояли две чугунные пушки, которые протоиерей назвал «участницами отражения неприятеля». Судя по имеющейся в его книге фотографии с подписью «Панихида на братской могиле 24 августа 1912 г.», стволы каких-то четырёх старых пушек были заделаны дульной частью вниз в бетонное ограждение двух лестниц, ведущих к часовне. Между двумя средними протянута цепь, видимо, служившая как ограждение. На более поздних фотографиях этих стволов не видно. Но после восстановления исторического вида памятника в начале 2000-х гг. они, вернее их заменители, вернулись на исконное место. В настоящее время на верхней площадке установлены также и две лёгких пушки-новодела, весьма напоминающие по внешнему виду изображённые в книге Д. Шерстенникова.

Некоторые источники свидетельствуют, что автор проекта часовни К. А. Заранек выписал из Владивостока для него несколько артиллерийских стволов. Называется и их число — девять. Но в настоящее время их семь — шесть

возле часовни, ещё один — на вершине памятника героям батареи А. П. Максutowa. Стволы вначале лежали на земле (наверное, всё-таки на невысоких деревянных или каменных подставках), а в 1950-х гг. их установили на бетонные постаменты, отдалённо напоминавшие корабельные лафеты.



Братские могилы и памятник-часовня в 1912 и 1940-х гг.



Так могилы и часовня-памятник выглядели в 1960-х гг.

Эти пушки отношения к событию, даже косвенного, не имели. Это — 42-линейный полевые орудия образца 1877 г. (калибром 107 мм) конструкции немецкого изобретателя и промышленника Альфреда Круппа, состоявшие на вооружении Русской императорской армии и участвовавшие в более поздних конфликтах: русско-японской, Первой мировой и гражданской войнах. Их производили как на заводах Круппа в Германии, так и на отечественном Обуховском. Возле могил представлены оба образца.



42-линейная пушка возле братской могилы, 2012 г.



Клейма заводов Круппа и Обуховского

Пушки разных заводов различались между собой. В отличие от предыдущих, они были уже казнозарядными, то есть имели клиновой замок, и стреляли не шарообразными ядрами, а продолговатыми снарядами. Канал ствола имел нарезы, в более ранних выпусках их было двенадцать, а позже — вдвое больше.

Такая же пушка установлена в 1954 г., по случаю сотой годовщины событий, на памятнике героям третьей батареи А. П. Максutowa.



Памятник героям третьей батареи лейтенанта Максutowa, 1960-е гг.

На территории исторического выставочного центра сегодня можно увидеть пяток малокалиберных корабельных зенитных артиллерийских установок, две из них стоят по сторонам от входа в здание центра, и знаменитую противотанковую пушку «ЗиС-3» выдающего конструктора Василия Гавриловича Грабина. Все они — вещественные памятники Великой Отечественной и советско-японской войн.

Примерно сто восемьдесят лет назад в нашем городе существовала традиция — палить из специальной «заревой»

пушки. В бытность в 1830-х гг. начальником Камчатки капитана 1-го ранга Аркадия Васильевича Голенищева существовал порядок поднятия на мысе Сигнальном гюйса, «как приличествующий пограничному порту, и делать выстрелы при захождении и восхождении солнца из заревой пушки, подтверждённый указом Правительствующего Сената от 1831 г.». Похоже, что названный порядок продержался недолго. В начале 2010-х гг. на одном из заседаний Камчатского морского собрания высказывалось предложение о возможности возрождения этой давно угасшей традиции, тем более что её примером может послужить давняя полуденная стрельба в Санкт-Петербурге. Одно высокое должностное лицо сообщило присутствующим, что особых препятствий к этому нет. Имеются и пушки (речь шла о старых гаубицах калибром 122 мм), и холостые заряды к ним. А было бы здорово палить в полдень по обоим краям нашего отечества: поочередно, сообразуясь с мест-



«Зачехлённая» пушка на
памятнике В. С. Завойко,
29 октября 2014 г.

ным временем, в двух Питерах — восточном и западном. Между прочим, это ещё раз могло бы подчеркнуть единство огромной Российской державы. Помимо штатных специально обученных людей право сделать это могли бы получить некоторые наши особо отличившиеся земляки или юбиляры и молодожёны. Согласитесь, неплохой и громкий в прямом смысле слова был бы им подарок на большую круглую годовщину или к свадьбе.

Да, чуть не забыл! Недавно в нашем городе появилась ещё одна «пушка», предъявленная на всеобщее обозрение

вместе с памятником Василию Степановичу Завойко, установленным в 2014 г. на южном берегу Култучного озера. На авторском фото в необычном ракурсе мы видим вовсе не мумию, зачем-то взгромоздившуюся на пьедестал, а спрятанного до поры до времени от глаз публики нашего доблестного адмирала, возложившего по воле скульптора на неё свою правую руку. Вот так этот памятник выглядел за несколько дней до открытия. Торжество же состоялось 4 ноября 2014 г., во время празднования третьей годовщины присвоения Петропавловску звания «Город воинской славы».

Тогда же, к 160-летию Петропавловской обороны, наши патриотично настроенные «графитчики» украсили подпорную стенку вдоль дороги, ведущей в парк на Никольской сопке, вот таким изображением:



«Батарея МаксUTOва» глазами современной молодёжи,
14 октября 2014 г.

Хотя моряки былой эпохи здесь и осовременены, но, глядя на их решительные лица и мощные торсы, ещё сильнее понимаешь, почему тогдашний коварный враг так остался

ни с чем. К сожалению, это забавное изображение быстро разрушилось под воздействием нашего не самого дружелюбного климата.

А вообще-то, на взгляд автора, пушками, хоть старыми, хоть новыми следует пользоваться только так:



Славный град Петропавловск-Камчатский, июль 2012 г.

Детишки, резвившиеся возле часовни, полубопытствовали: а зачем делаются эти фотки? Ответено: для книжки. Спрошено: как будет называться? Значит, интересно. Вот для тех, кому интересно, всё это и написано.

Источники

Витер И. В., Смышляев А. А. Город над Авачинской бухтой. История города Петропавловска-Камчатского. — Петропавловск-Камчатский, 2011 г. — 316 с.

Денисов М. М., Денисов Е. Н., Портнов М. Э. Русское оружие XI—XIX вв. — М., 1952.

Курти О. Постройка моделей судов. — Л., 1977.

Леньков В. Д., Силантьев Г. Л., Станюкович А. К. К истории артиллерийского вооружения пакетбота «Святой Пётр» // Краеведческие записки. — Петропавловск-Камчатский, 1989. — Вып. 6. — С. 3—13.

Моргалев Н. И. Поиски пушек. Командоры. Пробный вариант. Штурм бухты Командор // Краеведческие записки. — Вып. 9. — Петропавловск-Камчатский, 1995. — 174 с.

Скрягин Л. Н. Якоря. — 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Транспорт, 1979. — 384 с.

Шерстенников Д. Памятники и надписи как достопримечательности города Петропавловска-на-Камчатке. — Владивосток, 1913.

Электронный ресурс <http://perso.wanadoo.fr/gerard.delacroix/>.

Электронный ресурс <http://www.grinda.navy.ru/>.

Электронный ресурс <http://piratghostship.narod.ru/>.